

Звезда науки первой величины

Академик Василий Мороз откровенно рассказал «Открытой», что думает о современной науке и образовании

Десять лет назад, в канун 70-летия Василия Мороза, мы встречались с ним и беседовали о том, что происходит с российским сельским хозяйством. Беседа тогда получилась вовсе не юбилейная, а скорее печальная.

Говорили мы и о том, что погибает овцеводство – отрасль, которой Василий Мороз посвятил всю свою научную и профессиональную жизнь. Что же изменилось за эти десять лет? Готовясь к новому интервью я не

поленился, нашел и пролистал бюллетени Росстата. Оказывается, за это десятилетие (с 2007 года) на Ставрополье прибавилось 250 тысяч овец (рост на 13%), а производство шерсти увеличилось почти на тысячу тонн (18%).

Цифры статистики кажутся оптимистичными. Так, может, ситуация в овцеводческой отрасли все же начала выправляться? Именно об этом и беседуем с Василием Андреевичем МОРОЗОМ.

Завтра, 12 октября, отметит 80-летие один из самых прославленных жителей Ставропольского края – Василий Мороз. Для российской, а уж тем более для краевой аграрной науки это «звезда» первой величины – ведущий ученый в области племенного овцеводства.

Василий Андреевич вместе с коллегами вывел пять новых пород овец, среди которых, пожалуй, самая известная – это манычский меринос, над созданием которой Мороз работал почти тридцать лет, с 1972 года. Родилась она на основе скрещивания австралийских мериносов с матками ставропольской породы. Манычские мериносы считаются одними из лучших в России по шерстяной продуктивности, и сегодня их выращивают в десятках племенных хозяйств по всей стране.

Кстати, мериносов для создания новой породы Василий Мороз лично отбирал во время долгих поездок в Австралию еще в горбачевские годы. Оттуда же он впервые привез в Советский Союз австралийских пастушьих собак – келпи, и сегодня Ставрополье – единственный регион страны, где их разводят. Келпи могут пасти не только овец, но и любой мелкий рогатый скот и даже домашнюю птицу.

А еще Василий Андреевич в 1973 году создал единственный в стране генофондный банк лучших баранов-производителей (он хранится на опытной станции в станице Темнолесской), оживил школу бонитёров (оценщиков-овцеводов) и зоотехников-шерстоведа.

По заслугам – и регалии: академик РАН, заслуженный зоотехник РСФСР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор... Был Василий Андреевич и в политике: член президиума Верховного Совета СССР, затем – депутат Государственной Думы России, ну а ныне он член совета старейшин при краевом парламенте.

Василий Андреевич отдал овцеводству полвека, из которых 27 проработал главным зоотехником племзавода имени Ленина в Апанасенковском районе, а 14 – возглавлял единственный в стране НИИ овцеводства и козоводства (ВНИИОК).

Казалось бы, власти всегда по достоинству оценивали труды прославленного овцевода: в 1983 году он стал Героем Социалистического Труда, а в 2005-м

получил премию правительства России в области науки и техники. Но на самом деле обласкан властью Василий Андреевич был далеко не всегда...

В декабре Василий Мороз отпразднует еще один юбилей – ровно тридцать лет назад он возглавил ВНИИОК. Однако в 2001 году институт по настоянию тогдашнего губернатора Александра Черногорова был упразднен, что стало кульминацией травли Василия Мороза – травли за то, что он всегда открыто говорил чиновникам в глаза все то, что думает.

После развала ВНИИОК в Невинномысске прекратили работу лаборатория шерсти и шерстомойная фабрика (крупнейшая и самая оснащенная в Европе)... И никто тогда не посмел воспротивиться крайней несправедливости к заслуженному человеку, олицетворявшему целую отрасль. Едва ли не единственным заступником оболганного героя оказалась «Открытая», опубликовавшая несколько статей в защиту и поддержку человека, чьими трудами и славой живет Ставрополье и поныне.

Опыт и научный талант Василия Андреевича, к счастью, помнили и ценили многие его коллеги. После закрытия ВНИИОК ректор аграрного университета Владимир Трухачев пригласил Василия Мороза преподавать на кафедре частной зоотехнии, селекции и разведения животных. И поныне (вот уже почти 15 лет!) академик Мороз готовит молодых ученых в стенах университета.

Все эти годы продолжал Василий Мороз и практическую работу, объездил многие регионы. Госкомиссией за последнее десятилетие были официально утверждены сразу четыре новые породы овец, выведенные Морозом вместе с учениками и коллегами: на Алтае – западно-сибирская и кулундинская тонкорунная, на Ставрополье – джалгинский меринос, а в Забайкалье – агинская полугрубошерстная. На сегодняшний день это одни из самых молодых пород овец, выведенных на территории России.

Лишь после этого руководство Ставрополья, наконец, осознало, что вражда с выдающимся ученым – это позорное клеймо для самих чиновников. И в 2013 году губернатор Валерий Зеренков присвоил, пусть и запоздало, Василию Морозу звание почетного гражданина края. А год спустя в Ставрополе был возрожден всероссийский НИИ овцеводства и козоводства.

Именно Мороз был в числе тех, кто рекомендовал назначить директором возрожденного института свою ученицу, доктора биологических наук Марину Селионову. Она специалист по молекулярно-генетической селекции: при этом молодняк тщательно «сортируют» не на глазок (как еще недавно было на племзаводах), а на основе генетических маркеров в ДНК.

Генетическая селекция сегодня считается во всем мире «золотым стандартом» в животноводстве. И в ставропольском ВНИИОК его также внедряют. Хотя, пожалуй, и не так быстро, как хотелось бы...

– Василий Андреевич, с каким багажом вы подошли к 80-летию?

– Я создатель пяти пород и шести типов овец, опубликовал 426 научных работ и учебников. Воспитал 32 ученика – это 9 докторов наук и 23 кандидата наук, и не только в России, но и в Киргизии, Украине, Грузии... И все это, конечно, очень большой задел, с которым важно и нужно работать.

Мы вывели породы джалгинский и манычский мериносы, которые сейчас известны не только в России, но и в Европе. Помню, в начале девяностых годов нашу шерсть закупили в Испании. Я тогда работал директором института, и меня послали в командировку в Барселону.

Помню, при покупателе вскрываем на складе кипы с нашей шерстью, туго обтянутые проволокой, и шерсть начинает медленно подниматься вверх, словно опара. Настолько она была качественная!

Наш испанский покупатель был так удивлен, что спросил: быть может, мы закупили австралийскую шерсть, а потом просто решили ее перепродать в Европу? Тогда я достал свою звезду Героя Социалистического Труда, показал испанцу и объяснил, за что получил эту награду – именно за выведение породы джалгинский меринос.

– То, что три года назад возродили институт козоводства и овцеводства, вы можете сегодня назвать вашей главной заслугой?

– Вы не представляете, как я бился, чтобы возродили институт! Я был его директором 14 лет и помню, что в начале девяностых на фоне безденежья доходило до того, что люди по несколько месяцев сидели без зарплаты и даже были вынуждены собирать бутылки, чтобы прокормить себя.

Но, поверьте, сегодня проблема с финансированием стала еще острее, нежели было раньше. И вот почему.

При виде того, что у нас происходило с академической наукой в девяностые, у правительства России появился постулат, будто ученые не способны правильно распорядиться теми ресурсами, которые у них имеются.

И в 2013 году было создано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), которому передали все земли Академии наук, все оборудование, все научные предприятия, деньги, ресурсы...

Вы представьте, какое хозяйство на тот момент было в распоряжении Россельхозакадемии! Она владела 50 заводами и 1% всех черноземов России, и это были самые лучшие черноземы. А сейчас все это передано ФАНО, а сами ученые остались сидеть, что называется, на голодном пайке.

Сегодня даже чтобы поехать сотруднику какого-нибудь НИИ в командировку, нужно получить официальное разрешение в ФАНО.

Недавно в наше опытное хозяйство в Темнолесской приехала делегация ФАНО. Ходили и удивлялись: сколько же всего у вас всего сделано! А ведь это все те технологии и методы, которые я увидел еще тридцать лет назад во время командировок в Австралию и Аргентину и затем пытался перенести их на советскую, а потом на российскую почву. Внедрять их начали в нашем опытном хозяйстве в Темнолесской, затем – в хозяйствах в Апанасенковском районе, в Калмыкии.

– Вы имеете в виду технологию содержания овец на природе, а не в помещениях?

– Да, это то, что я впервые увидел на острове Тасмания – это самая южная, холодная часть Австралии. Когда я приехал туда, к одному местному фермеру, он меня просто ошаршил, когда сказал: мол, после того, как выпадет снег, приезжайте и посмотрите, как я буду стричь овец.

Для меня это было просто невыносимо: как же овца без шерсти перезимует?! У нас для животных тогда строили тепляки и кошары, а в холодной Тасмании овца содержалась в естественных условиях!

У того фермера, у которого я гостил, животные ягнились в специальных выемках под живыми изгородями. Потом такое же я увидел в Аргентине, на плато Патагония, где высота снежного покрова зимой достигает нескольких метров. И при этом тоже не строят тепляков для овец!

– А почему в Советском Союзе все эти технологии были неизвестны?

– Это сегодня все твердят о санкциях, а ведь и в советское время мы тоже существовали в определенной научной изоляции.

Технологии овцеводства, которые я впервые увидел в Тасмании и в Патагонии, я долго пытался внедрить в Ставропольском крае. И мы многого достигли тогда. Начали проводить предродовую стрижку маток и их ягнение на пастбищах. Сделали первые в СССР самокормушки для овец: заправил в такую кормушку сено, и можешь уже туда не подходить, овца сама будет себя кормить.

Но, к сожалению, с распадом СССР все это оказалось никому не нужно! Но ведь наши наработки никуда не делись, все опытные образцы техники остались на нашей станции в Темнолесской. И когда сюда приезжала делегация ФАНО, я показывал эту технику чиновникам.

Естественно, просил денег, чтобы наши разработки можно было восстановить и внедрить на сельхозпредприятиях. На что услышал от чиновников ФАНО простой ответ: а у нас на это денег нет...

Простите, а зачем же тогда ваше агентство вообще создавали?! Ведь его главной задачей и было сэкономить бюджетные средства, чтобы практическая наука сама себя могла прокормить, содержать и развиваться.

– Только недавно, Василий Андреевич, прошли выборы президента РАН. И все пятеро претендентов на этот пост в своих предвыборных программах говорили об одной и той же проблеме академической науки в России – это нехватка денег.

– До развала СССР наша наука в мировых масштабах котирировалась весьма высоко, что бы сегодня ни говорили. Пусть и не так часто, но у нас были лауреаты Нобелевской премии. Были такие гиганты мысли, как академики Мстислав Келдыш, Анатолий Александров, Петр Капица, которых приглашали на заседания правительства, к их мнению прислушивались первые лица государства.

А сейчас, когда по ТВ показывают заседания правительства, я не раз не видел, чтобы там присутствовал хотя бы президент РАН, не говоря уже о рядовых академиках.

На мой взгляд, такое положение современной академической науки связано с социально-экономическими причинами. Сегодня 7% всего населения России сконцентрировали в своих руках все производственные, финансовые, земельные ресурсы. А остальные прозябают – и это не только ученые, но и педагоги, врачи, инженеры, сельские труженики.

– Вы уже почти 15 лет преподаете в вузе. И видите, конечно, как изменяются профессиональные установки молодежи. Готовы они работать на селе?

– Знаете, Антон, когда я поступал в институт, нас было сто человек на первом курсе зоотехнии. А в этом году на зоотехнику приняли всего 18 человек. Но ведь это те специалисты, которые должны кормить все население, производя мясо, молоко, шерсть, яйца... А что такое эти 18 специалистов на весь Ставропольский край?!

Молодежь не идет учиться, потому что видит сельскую действительность: окончил вуз, пришел на производство, а у тебя стартовая зарплата – 10-11 тысяч рублей. Конечно, это молодых людей отпугивает!

Вот в селе Киевка, где я проработал 27 лет главным зоотехником, сегодня брошено 70 домов. И такая же ситуация в других селах, и хуже всего, конечно, на востоке края.

– А что делать-то?!

– Пока на селе не будет овец, люди будут бежать! Все восточные районы держались на овцеводстве, и сегодня главная задача развития востока Ставрополья – это рост производства и потребления шерсти населением.

Но государству шерсть не нужна! В 2012 году правительство приняло постановление №717, которым была утверждена государственная программа развития сельского хозяйства до 2020 года. И, согласно этой программе, шерсть не отнесена ни к одной из категорий – это не сельхозпродукция и не сырье...

То есть с позиции государства это некий бросовый материал, который никак не отражается на интересах России. А потом приезжают в наши хозяйства представители Запада, Турции, Китая, и скупают за бесценок самую высококлассную шерсть.

– Продуктовое эмбарго, которое ввела Москва в 2014 году, дала стимул для развития сельского хозяйства. Неужели на развитии овцеводства это никак не отразилось?

– Ну вот сами смотрите, что происходит. У нас каждый год рекордные урожаи: в этом году обещают 130 миллионов тонн, чего никогда в истории не было! А овцеводство остается в упадке.

Я уже сказал о восточных районах Ставрополья, где овцеводство было основой сельского хозяйства. А возьмите иные регионы: например, в Читинской области поголовье овец после распада СССР сократилось почти в пять раз!

И ведь никто из читинских чиновников не задумывается, что сокращение поголовья овец – это одна из причин лесных и ландшафтных пожаров, которые у нас сегодня уничтожают весь Дальний Восток и Сибирь. Ведь овцы должны заселять гигантские пастбищные просторы, которые сейчас пустуют, и потому горят.

Рекордные урожаи зерновых – это, конечно, хорошо. Но полеводство – это сезонная работа, а животноводство – круглогодичная. Для удобрения полей

нужен навоз, которого в условиях сокращения поголовья животных просто на всех не хватает, а на минеральные удобрения у селян денег нет.

В итоге мы имеем снижение плодородия почвы и эрозию, что и мы, жители Ставрополя, сами ощущаем, когда на город постоянные обрушиваются пыльные бури. Да-да, все это – и лесные пожары, и пыльные бури – следствие упадка овцеводства.

И теперь представьте экономический эффект от необдуманной государственной политики в области овцеводства.

– Когда Владимир Владимиров был только назначен губернатором края, на одном заседании в правительстве ему предложили строить роботизированные фермы.

Идею он отверг: мол, если вместо людей будут работать роботы, то что мне делать с оставшимися без дела селянами?!

А сейчас Владимиров сам громче всех заявляет о строительстве беспочвенных теплиц, роботизированных ферм, суперинтенсивных садов, где людей-рабочих почти и не будет...

– Да, он абсолютно прав. Автоматизация сельскохозяйственного производства – это объективный процесс. Я помню, когда только ходил в начальную школу, в новостях по радио сказали, что на Земле родился четырехмиллиардный житель. А сегодня нас уже семь миллиардов! Но если у нас так стремительно растет население, и все хотят есть, то мы никуда не денемся от новых интенсивных технологий в сельском хозяйстве.

Проблема в том, что продукты, которые выращены в гигантских теплицах или на мегафермах, – они для массового, не слишком богатого потребителя. А те люди, которые имеют возможность купить еду подороже, будут отдавать предпочтение фермерским, натуральным продуктам, собранным и выращенным в естественных условиях и ручным трудом.

Во время поездок по миру я видел суперинтенсивные агрокомплексы, где стоят высокодойные коровы, которые дают по 9-10 тысяч литров молока в год.

Но для животного это постоянный стресс: нагрузка на организм коров так высока, что они умирают уже через три-четыре года.

А те коровы, которых содержат по старой технологии, дают в два-три раза меньше молока, но живут десять лет. И молоко у них намного богаче питательными веществами. И потому вкуснее и полезнее!

То же самое касается шерсти – это элитарная одежда, всех людей одеть в шерстяное просто физически невозможно.

Но уж наша-то страна, где всегда было такое огромное поголовье овец, должна себя обеспечивать собственной шерстью, а не покупать западную синтетику!

В других странах это уже давно поняли: скажем, в Японии принимают в детский сад только тех ребят, у которых есть шерстяное белье.

– Однажды мне довелось заглянуть в кабину современного комбайна: прямо как в космический корабль залез – везде экраны мерцают, кнопки, тумблеры... Значит, на сельхозпредприятиях нового типа должны работать специалисты, которые с такой техникой на «ты».

– Конечно, Антон, вы полностью правы! Система образования (я говорю в целом, а не только про аграрное) сильно деградировала. Раньше упор был на теоретическую и практическую составляющие учебы, а сегодня почти весь материал ребята должны осваивать самостоятельно.

Но о какой самостоятельности можно говорить, если у нас даже на селе с детства не приучают к сельскому труду?! Бывает такое, что к нам поступают ребята из сел, так они животных впервые видят на опытном хозяйстве университета!

Вот вы никогда не интересовались, почему у нас исчезли ученические бригады? Долгие годы детей, школьников, учили работать на тракторах и иной технике. А теперь, по закону, председатель колхоза несет ответственность за этих детей, но никто отвечать за них не хочет.

Вот, мол, когда вырастут, тогда и будут технику познавать и учить. То есть у нас по закону с 14 лет и жениться и детей рожать можно, а учиться сельскому хозяйству – нельзя!

Вспоминаю свои молодые годы. После окончания вуза нужно было отработать на производстве два года, а затем тебя брали на годичные курсы бонитеров – учили, как оценивать животное. И затем еще каждый год были ежемесячные курсы повышения квалификации.

А сегодня бонитерское дело фактически закончилось, потому что учиться еще два-три года после вуза никто не хочет – все хотят сразу получать хорошую зарплату. И доходит порой до смешного: показываешь выпускнику аграрного вуза животное, а он даже не знает, как его вообще правильно оценивать.

Искажена и система преподавания, когда труд преподавателя в вузе оценивают не по тому, как он выучил студентов, а сколько денег университету принес и сколько научных статей опубликовал. Но это

совершенно порочная система, которая нацелена только на то, чтобы зарабатывать, а не на то, чтобы качественно учить.

Когда я защитил докторскую диссертацию, у меня было около 80 статей, а ведь тогда уже на производстве работал: как говорится, все под рукой было.

А сегодня, смотрю, у некоторых молодых моих коллег в год более 10 статей публикуется. О каком качестве этих работ можно говорить?! Ведь преподавание – это искусство, талант, который дан не каждому.

– Василий Андреевич, ну неужели у нас в науке и образовании все так плохо?

– Конечно, не все. Среди студентов есть и откровенные таланты, но, увы, их мало... Есть прекрасные сельхозпредприятия, например, колхоз «Россия» в Новоалександровском районе: помню, я в советские годы на работу зоотехником в сапогах приходил, а сюда ребята в туфлях приходят. Везде – идеальная чистота, все аккуратно, газоны, клумбы. Я такого даже на европейских фермах не встречал. Значит, в чем-то можем и Западу урок преподать!

Беседовал

Антон ЧАБЛИН

Снимки

Владимира МАЛЫШЕНКО,

самого известного

в крае фотожурналиста,

друга «Открытой»